

Вера Глаголева: современные героини как-то не обнаруживают характера

Татьяна Рассказова

— Коль скоро в творческом вузе вы не учились, а случайно попали в поле зрения Родиона Нахапетова и с тех пор снимаетесь, то...

— Ну вот, опять началось. Все время меня об этом спрашивают.

— Неужели все журналисты единодушно интересуются вопросом, с чьей помощью вы разрешаете профессиональные проблемы, когда они возникают? Чьему вкусу и опыту доверяете?

— Ах, вот вы о чем. Мне повезло, я работала со многими хорошими режиссерами, им и доверяю. Но вообще-то, чтобы решать профессиональные проблемы, нужно как минимум заниматься своей профессией, а я уже давно ни на экране, ни в театре ничего не делала. То есть не то чтобы совсем ничего, не так давно снялась в двух картинах. Сценарий одной из них — «Я сама» — мне в принципе нравится. Это история о женщине, которая пытается отомстить убийцам мужа, погибшего у нее на глазах. Причем мне была дорога не столько событийная канва, сколько психологическая: когда она берет в руки пистолет, в ней просыпаются совершенно новые качества.

— Это что же — женская версия «Макарова»?

— «Макарова» я не видела, поэтому для меня скорее вариант фильма с Бронсоном, где герой, попав в аналогичную ситуацию, ходит ночью по Нью-Йорку и в ярости и отчаянье убивает всех встречных мерзавцев. Вообще чистит город. Правда, моя героиня на целый год не замахивается: убирает лишь троих. После чего в соответствии с отечественной традицией очень мучается, конечно.

— Но если вы почти не снимаетесь и не снимаете, то чем же вы тогда заняты?

— Прежде всего домом, воспитанием детей.

— У вас, если не ошибаюсь, две девочки?

— Ошибаетесь, моей третьей дочери уже два года. Когда она родилась, то, естественно, возникла пауза в работе.

— Извините, если покажусь неумеренно любопытной, но разве ваш муж Родион Нахапетов вернулся из Штатов, куда несколько лет назад уехал?

— Нет. Просто у меня новая семья. Мой муж Кирилл замечательно ладит с девочками. Младшую, Настасью уже начинает воспитывать, мечтает, чтобы она, как Аня, стала балериной. Он очень любит собрать всех девочек вместе — тогда такое начинается!.. Правда, Маша сейчас у отца, в Америке, она там учится. Но, надеюсь, в Новый год будет с нами.

— А позволительно ли спросить, почему ваш прежний муж Родион Нахапетов поселился в США? И кстати, правда ли, что теперь он служит чуть ли не в полиции, в отделе по борьбе с наркотиками?

— В полиции? Это очень смешно... Нет, одно время он работал в фонде, связанном с проблемой наркомании в среде подростков. Теперь занимается делами другого фонда, который помогает российским детям, страдающим пороком сердца, получить помощь хороших американских кардиологов.

Что касается профессиональных занятий, то Родион пишет сценарии, снял документальный фильм «Звезды Голливуда» — о безработных неудачниках, каждый из которых считает себя большим артистом.

А уехал он потому, что его картину «На исходе ночи» купила корпорация «XX век Фокс», в Америке была премьера, и ему показалось, что там удастся запелиться.

— Благодарю, ответ исчерпывающий. Теперь давайте говорить о вас. Когда-то вы снимались у Эфроса в фильме «В четверг и больше никогда». Мне кажется, вы немного напоминали Анатолию Васильевичу его любимую актрису Ольгу Яковлеву, которая на роль совсем юной девочки уже не подходила. Вас не тяготило ее незримое присутствие?

— То есть абсолютно не тяготило. Впервые слышу такое странное предположение, по-моему, мы с ней совершенно разноплановые, разноликие.

— Отчего же? Обе — хрупкие блондинки с беззащитными глазами, ну да ладно. А скажите, не казались ли вам какие-то требования режиссера невыполнимыми?

— Начнем с того, что требований вообще не было. Перед съемками я прочитала его книгу «Репетиция — любовь моя» и приготовилась к изнурительной работе над каждой сценой. Но выяснилось, что нужно лишь точно выполнять указания: «Войди оттуда, сядь сюда, постой здесь, посмотри на баночку, выйди». Все. Я была немного обескуражена, но Эфросу, кажется, это-то и было нужно. Потому что героиня покинута, растеряна, и моя собственная растерянность и тревожное ожидание удачно сыграли на образ.

Вообще существует два способа работы кино: есть режиссеры, которые выстраивают кадр от и до, жестко зажимают тебя в мизансцене. А у Эфроса царил атмосфера кажущейся необязательности, произвольности происходящего. Причем на самом деле эта непреднамеренность была заранее организована, просто мы этого не знали. Оказывается, после съемок Анатолий Васильевич оставался вдвоем с оператором Володей Чухновым, и они четко продумывали и просчитывали технические моменты.

— То есть вас, актеров, не мучили — шарили?

— Не то чтобы не мучили — нам была предоставлена полная свобода. Смоктуновский все время что-то выдумывал — он вообще обожал играть, — а Эфрос позволял ему все и снимал новые и новые дубли.

— Но если с Эфросом было так легко и приятно работать, то почему же вы не пошли к нему в спектакль «Месяц в деревне»? Ведь могли бы громко начать сценическую карьеру.

— Может быть, это самая большая моя ошибка. И главное — так хотелось подпробовать. Но меня не то чтобы не поддержали, а просто-таки не пустили.

— Неужели любимый муж? Чем же он вас напугал?

— Убедил, что в любом театре ужасные

нравы, а значит — меня незамедлительно сожрут. Сейчас я понимаю, что поступила как полная идиотка: лучший театральный режиссер Москвы просит все-таки подумать над его предложением, а я мямлю, что у меня ничего не получится. Он говорит: «Со мной — получится... Может быть, Родион против? Ну скажи ему, что я всегда буду отпускать тебя на съемки». Но я так ни на что и не решилась. А потом увидела, как замечательно работает в спектакле Лена Коренева, и подумала: «Боже мой, у меня бы так не получилось!»

— Вашим приторно не раз был Смоктуновский, которого принято называть гениальным...

— Но ведь так оно и есть.

— А не кажется ли вам, что манера его игры, поначалу действительно революционная, вскоре превратилась в демонстрацию неких виртуозных приемов и интонаций, что он утонул в море собственных штампов? Как бы вы охарактеризовали тот исполнительский стиль, который пришел на смену актерской школе Смоктуновского: стиль, культивируемый в артистах современными кинорежиссерами?

— Не убеждена, что мастерство Смоктуновского устарело. А характеризовать нового кинорежиссера я бы не взялась. Что касается современных героинь, то они, по-моему, не имеют ярко выраженного характера. Любая симпатичная девочка может естественно двигаться в кадре, и этого режиссеру оказывается достаточно. Такова тенденция. Хорошие актрисы, наверное, есть, но заметных женских ролей я назвать не могу. Я не говорю о замечательных работах Усатовой и Чуриковой: у них в основном характерные роли.

— А как быть с Даккувайто?

— Ну да, Инга, безусловно, очень интересно работает, в «Циниках» она меня просто потрясла. А само по себе сегодняшнее кино какое-то странное: по сюжету страсти бушуют, а картины какие-то бесстрастные получаются. Видели «Музыку для декабря»? Вам нравится, наверное?

— Нравится.

— А я как зритель почему-то не испытываю никаких эмоций: несколько смертей, несчастная любовь, а мне никого из героев не жалко.

— Но, может быть, то, что вы называете бесстрастностью, означает, что у них болевой шок, потеря чувствительности от столкновения с опрокинутой реальностью? Помните,

героиня Сафоновой безучастно рассказывает, как ее преждевременно родившегося ребенка положили рядом с ней умирать?

— Это вообще невозможно слушать! Запредельщина какая-то!

— А говорите, что никаких эмоций не испытывали... В странном фильме Нахапетова «О тебе» вы сыграли девушку, которая от рождения поет, но говорить не умеет. Нет ли и в вашей натуре свойств, которые выглядят излишней роскошью? Или назовите качества, которых вам, напротив, недостает.

— Ой, недостает многого. Для начала

хорошо было бы обзавестись длинными ногами — чтоб прямо от ушей... А если по правде — в какие-то моменты недостает жесткости характера. Хотя нет, когда я снимала свою картину (вы не смотрели «Сломанный свет?»), то умела настоять на своем, это проверено.

— А кстати, легко ли было вам как режиссеру найти общий язык с Маргаритой Тереховой?

— Я знала про ее трудный характер, но Маргарита Борисовна, кажется, ни разу его не обнаружила. Когда мы снимали эпизод репетиции в театре, я попросила Григория Гладия воспроизвести какой-нибудь фрагмент своей постановки (он, как вы знаете, работал в студии Анатолия Васильева). Он поставил кусочек из Достоевского, где актриса держится за канат, а ее волоком тащат по полу.

— Неужели Маргарита Борисовна и на это согласилась?

— Не оказалась ни малейшего сопротивления. Я боялась, она скажет: «Ребята, вы что, с ума сошли?» Не сказала. Она вообще с удовольствием включалась во все импровизации, в одной сцене очень удачно наговорила текст от себя (и отчасти — о себе, о своем сыне): получилось выразительней, чем в сценарии. Так что нам с ней замечательно работало, как-то очень по-доброму.

— Про эту картину рецензенты писали, что вы сделали фильм о безысходной судьбе поколения. Между тем сами вы, по вашим же словам, оптимистка — даже подумывали снять комедию. Не потерпел ли в последнее время физиско ваш оптимизм? Где последняя режиссерская работа? Нужно ли ожидать новых режиссерских работ?

— А почему мой оптимизм должен был улетучиться? «Сломанный свет» получился не слишком жизнеутрастным, поскольку такова была сюжетная канва, но ко мне это все-таки прямого отношения не имеет.

А история с комедией давно забыта. Просто в последний момент, когда мы уже собирались подписывать контракт, люди, которые обещали деньги, вдруг исчезли. Были и другие проекты, причем довольно многочисленные, но...

Сейчас один известный кинодраматург пишет для меня сценарии. Вроде бы даже уже написал. Это история сильной женщины, которая из учительницы-математички, ничего не смыслящей в бизнесе, превращается в главу коммерческой компании, так как вынуждена заменить тяжелобольного отца. И в новой для себя среде не только выживает (хотя ее пытаются убрать), но и становится безусловным лидером.

— Все-таки нельзя ли назвать имя сценариста?

— Вообще-то можно, он сказал, что пора рассекречиваться. Это Валентин Черных. (Кстати, Валентин Константинович был автором сценария фильма «Выйти замуж за капитана».)

— Насколько я знаю, вы мастер спорта по стрельбе из лука. Назовите самые важные жизненные цели, которые вам удалось выполнить.

— Никогда никаких целей себе не ставила. Меня случай ведет, все получается спонтанно.

